

Введение в изучение советской уголовной репрессии

Вопрос о репрессии является основным вопросом уголовного права.

На ряде языков самое наименование уголовного права исходит от наказания; так, и в романских и в германских языках уголовное право чаще всего определяется как право наказания¹.

Действительно наказание представляет собой тот момент, который отделяет уголовное право от всех других видов права. Наказание-репрессия определяет собой содержание уголовного права. Вопрос о применении наказания — это практический вопрос, который ежедневно и ежечасно приходится разрешать судьям и прокурорам.

Вопрос о репрессии является основным вопросом и для советского уголовного права. Вопрос о репрессии есть один из конкретных вопросов классовой борьбы. Тем самым становится очевидной и необходимость теоретического изучения этого вопроса, поднятия его на принципиальную большевистскую теоретическую высоту. Как указал т. Сталин, «практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией». Только ленинская теория, неразрывно связанная с революционной практикой, обобщающая эту практику, «может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»².

Сказанное определяет отправной пункт в изучении теории советской уголовной репрессии. Это отправной пункт для всего нашего теоретического изучения и в первую очередь для изучения вопросов классовой борьбы — основы марксо-ленинской теории.

Правда, до недавнего времени было довольно широко распространено мнение, что вопросы уголовного права в трудах Маркса и Ленина остались недостаточно разработанными. Так, даже такой выдающийся представитель марксистской теории уголовного права, как Н. В. Крыленко, писал в свое время: «До революции в марксистской литературе теоретические проблемы уголовного права были совершенно не разработаны; мы не можем указать ни одного труда или почти ни одного труда, за исключением срав-

¹ Strafrecht, Droit pénal, таков же по существу смысл русского термина — уголовное право.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 17.

нительно мало известных отдельных статей у Маркса, Энгельса или Каутского, где бы последние специально трактовали проблемы уголовного права», и поэтому, в период Октября, «когда мы практически стали перед задачей государственного строительства в области уголовного права», мы вынуждены были «исходить лишь из общих предпосылок марксизма, из общих методов марксизма, практически до известной степени бродить в потемках, нащупь»¹.

Как пишет в настоящий момент сам т. Крыленко в другой своей работе «Ленин о суде», это его высказывание показывает в действительности не отсутствие в марксистской литературе до революции разработки проблем теории уголовного права, а недостаточность разработки нами богатейших по содержанию высказываний Маркса и Энгельса и в особенности Ленина по вопросам уголовного права. точно так же как и отсутствие критики работ Каутского, касающихся вопросов уголовного права. Поэтому т. Крыленко смог зачислить Каутского в число основоположников марксистской теории уголовного права, в то время как статьи, написанные Каутским по вопросам уголовного права еще до революции, показывали его разрыв с марксизмом задолго до его официального дезертирства в лагерь социал-предателей².

В гораздо более резкой форме недооценка ленинского наследства сказалась в написанном т. Скрыпником предисловии к искажающей ленинскую теорию уголовного права книге проф. Пионтковского «Вопросы уголовного права в сочинениях Ленина». В этом предисловии т. Скрыпник выражает сожаление, что история не предоставила Ленину возможности заняться буржуазным уголовным правом и «до пролетарской революции Ленин касался только односторонне и поверхностно вопросов из области уголовного права, постольку, поскольку эта надобность возникала в практике его революционной борьбы»³.

Такие «сожаления» об односторонности и поверхностности в разработке Лениным вопросов уголовного права в действительности обнаруживают односторонность и поверхностность изучения не только специальных высказываний Ленина по вопросам уголовного права, но и всей марксо-ленинской теории государства.

Уже самые основы марксо-ленинского учения о государстве, о его роли в деле осуществления классового господства, роли суда, особых отрядов вооруженных людей и тюрем как материальных носителей этого классового господства и задач подавления показывают, что вопрос о репрессии не мог быть для марксо-ленинской теории несущественным, не мог оставаться в ней разработанным односторонне и поверхностно, лишь в меру случайных практических потребностей.

¹ Крыленко, Суд и право в СССР, ч. 3-я, стр. 7.

² По этому вопросу см. в предшествующих выпусках очерков уголовной политики. С. Булатов, Уголовная политика эпохи империализма, 1930 г. § 20 «Оппортунизм и вопросы уголовной политики».

³ См. указанное в тексте сочинение, 1930 г., стр. 4.

Марксизм вскрыл **классовое содержание** уголовной репрессии — действительные материальные отношения людей, отношения господства и подчинения. Он показал, что уголовная репрессия является одной из форм классовой борьбы буржуазии против эксплуатируемых масс, одним из тех основных рычагов, которыми обеспечивается и закрепляется фактическое неравенство: господство буржуазии и подчинение трудящихся. Уголовная репрессия используется буржуазией как орудие классового насилия и средство поддержания системы эксплуатации. При помощи репрессии буржуазия стремится телесно, духовно и морально поработить пролетариев и поставить их «ниже скотского состояния» (Энгельс), чтобы приучить их к дисциплине наемного труда.

Марксизм показал и классовое содержание отдельных методов уголовной репрессии: одиночного заключения, о котором Энгельс говорил, что это «озверение в одиночестве», и всех методов буржуазной пенитенциарии, которая, как указывает Маркс, стремилась добиться того положения, при котором «выпущенный из тюрьмы покорно, как овца, работает на капиталистов в стенах фабрик, в поместьях, в копиях, на железных дорогах, на водных путях и т. д., содействует им в извлечении прибыли и, с голодным желудком проходя через картофельное поле, не решится взять ни единого клубня»¹.

В то же время уголовной репрессией буржуазия пытается дезорганизовать ряды пролетариата, уничтожить его руководителей, устроить и понудить трудящиеся массы покорно работать на пользу и благо капитала.

Марксизм показал **активную роль насилия** в процессе формирования новых экономических отношений, проиллюстрировав эту роль особенно ярко на примере эпохи первоначального накопления. Насилие является «повивальной бабкой» при рождении новых отношений, но в то же время насилие не может повернуть колесо истории и обречено на поражение, если оно вступает в противоречие с ходом развития производительных сил.

Марксизм вскрыл классовое содержание, **классовую сущность уголовных преступлений**, как результата классовых противоречий. Общеуголовные преступления выражают первую, неразвитую и бесплодную форму сопротивления эксплуатируемых, индивидуальный протест изолированного индивида против системы существующих отношений эксплуатации, господства и подчинения. Содержание так называемых политических «преступлений» в буржуазном обществе составляет классовая борьба пролетариата. Наконец, конкурентная борьба всех против всех в буржуазном обществе находит свое выражение и в отдельных преступлениях, совершаемых самими представителями господствующего класса — эксплуататоров.

Марксизм **разоблачил** мистифицирующую действительные отношения эквивалентную **форму буржуазного права**, разоблачил юридический фетишизм в целом, обнажив его корни, скрытые в

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 179.

отношениях товаропроизводящего общества, обнажив его содержание — защиту отношений капиталистической эксплуатации и частной собственности.

Под маской формальной свободы скрывается фактическое насилие, под маской формального равенства скрывается фактическое неравенство. Марксизм разоблачил всех ученых приказчиков буржуазии, которые изображали уголовное право как защиту и гарантию прав личности от произвола государства, а уголовную репрессию — как защиту интересов всего общества от отдельных антисоциальных, преступных личностей.

Марксизм показал неразрывную связь репрессии с отношениями классовой борьбы, показал, что репрессия — неизбежный атрибут всякого государства и всякого права. Выявив **исторический характер преступления и уголовной репрессии**, дав ему материалистическое объяснение и, наконец, разработав вопрос о диктатуре пролетариата, Маркс и Энгельс предугадали и пути отмирания государства, права, а вместе с ними и уголовной репрессии в коммунистическом обществе ¹.

Ленинизм представляет собой высшую ступень в развитии марксизма.

В теории уголовного права и в вопросах советской уголовной репрессии Ленин, как и во всех вопросах марксистской теории — и в первую очередь в вопросах классовой борьбы, — «не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата» (С т а л и н).

Несмотря на недостаточную еще разработанность богатейшего литературного наследства, оставленного Лениным, не может быть сомнения в том, что **ленинская теория составляет новый, высший этап и в марксистском учении об уголовном праве, об уголовной политике, об уголовной репрессии**. Уже в вопросах, касающихся уголовной политики и, в частности, уголовной репрессии буржуазного государства, ленинизм вносит громадный новый вклад, вскрывая сущность обострившегося наступления реакции, вскрывая роль насилия в эпоху империализма. Политически империализм знаменует собою поворот от демократии к реакции по всему фронту и одичание во всех областях культуры.

Поворот этот характеризуется также и усилением репрессии в отношении пролетариата. Ленин указал, что буржуазия издает уголовные законы «с прямой целью облегчить политическую борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время прикрыть ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.)».

Ленин вскрыл особенности политики буржуазии периода империализма, характер ее уголовной репрессии. Он указал что этот

¹ Подробнее о вопросах уголовного права в работах Маркса и Энгельса см. Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма; Ашрафьян, К вопросу об уголовном праве, в журнале «Советское государство» 1932 г. № 1 и написанную им же гл. IV в курсе «Учение о государстве и праве», 1932 г. и Кузьмин, Вопросы уголовного права в работах Маркса, в журнале «Советское государство», 1933 г., № 5.

период «показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах»¹.

Империализм есть канун пролетарской революции. В эту эпоху пролетариат борется за скорейшее ниспровержение капитализма, поэтому все «яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко всему буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т. е. ту же государственную машину»².

Ленинское учение о двух тактиках буржуазии, ленинская критика буржуазной демократии разоблачает до конца все фетиши свободы, равенства, законности и легализма в рабочем движении, воспевавшиеся не только откровенно-буржуазными идеологами, но и социал-демократическими оппортунистами. Ленинская критика демократии дает ключ к пониманию всех «либеральных», «демократических» маневров и в области уголовной политики. Эти «либеральные» маневры, вроде условного осуждения, досрочного освобождения и т. д., используются буржуазией для маскировки основной реакционной линии развития. Ленин вскрывает неизбежность разложения буржуазной законности, разложения правовых форм репрессии империалистического государства. Ленин показывает роль репрессии в организации войны и репрессивные задачи мировой войны как орудия подавления «внутреннего врага» — рабочего класса данной капиталистической страны.

Ленин вскрывает объективные закономерности, вынуждающие буржуазное государство все шире применять внесудебные формы расправы. Ленин показывает, наконец, конкретные экономические и классовые основания, обрекающие террористические усилия буржуазии на конечный крах, несмотря на все отдельные «достижения» в области уничтожения революционеров и устрашения широких слоев трудящихся. Ленин беспощадно разоблачает роль оппортунистов в организации репрессии империалистического государства и в ее идеологическом оправдании³.

В то же время Ленин показывает классовую суть «воплей» **против насилия**, применяемого пролетарской диктатурой по отношению к саботажникам и контрреволюционерам. Ленин клеймит эти вопли оппортунистов, как «продолжающееся холопство перед денежным мешком»⁴.

Но все это только одна сторона того, что дал Ленин в теории уголовной политики и уголовного права. **Ленинизм**, как марксизм

¹ Ленин, т. XXI, стр. 391.

² Ленин, т. XXI, стр. 389—390.

³ Подробнее о работах Ленина по вопросам уголовной политики империалистического государства см. Булатов, Очерки уголовной политики эпохи империализма, Крыленко, Ленин о суде.

⁴ Ленин, т. XXII, стр. 156.

эпохи пролетарской революции, **создал теорию уголовной политики диктатуры пролетариата**. Ленинизм показал, что уголовная политика есть одна из составных частей политики диктатуры пролетариата. Учение Ленина вскрывает роль репрессии в конкретных формах классовой борьбы переходного периода. Если Маркс наметил общую роль репрессии, насилия, красного террора при диктатуре пролетариата, то Ленин дал им уже конкретную детальную расшифровку, по-новому решив ряд новых вопросов, выдвинутых самой практикой пролетарской диктатуры. Ленин показал, что репрессия не только средство охраны завоеваний пролетарской революции, но играет активную, творческую, революционную, — хотя и вспомогательную, а не главную, — роль в деле строительства социализма.

Ленин показал необходимость беспощадного подавления не только сопротивления эксплуататоров, но и элементов разложения. Он указал в конкретной форме, как должно применяться намеченное уже Марксом и Энгельсом сочетание убеждения и принуждения в борьбе за нейтрализацию и переделку мелкой буржуазии, каковы должны быть методы и формы классовой борьбы и политики репрессии пролетарского государства в отношении стихий мелкобуржуазной анархичности. Ленин показал, что и воспитание новой дисциплины трудящихся не может обойтись без принуждения. Он указал, наконец, конкретные перспективы развития и отмирания репрессии по мере продвижения в бесклассовое общество развернутого коммунизма.

Но не только эти основные проблемы советской уголовной политики и советской уголовной репрессии поставлены и разрешены в работах Ленина. Действительно марксистски выдержанная разработка всей теории советского уголовного права может быть дана лишь на основе методологических установок, вытекающих из совокупности всех работ Ленина и в первую очередь из его философских работ и работ о государстве¹.

Правильное построение теории советского уголовного права может быть достигнуто лишь путем изучения этой теории как части учения о диктатуре пролетариата, ибо диктатура пролетариата, как указал Сталин, обобщая все ленинские указания по этому вопросу, имеет три основные стороны:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации соци-

¹ Подробнее о вопросах советского уголовного права в работах Ленина см. Крыленко, Ленин о суде, и Экстрин, Развитие советской уголовной политики, М. 1933 г.

ализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства»¹.

Все эти три стороны связаны неразрывно, и нельзя поэтому значение и роль подавления, принуждения и, в частности, уголовной репрессии правильно понять, если взять этот вопрос изолированно, вне общей связи.

Отмечая все значение марксо-ленинской теории для изучения вопросов советского уголовного права и, в частности, советской уголовной репрессии, необходимо подчеркнуть второй важнейший момент. Сама марксистская теория, как указывает Сталин, представляет собой «опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде»². Марксо-ленинская теория — итог практической классовой борьбы, она неразрывно связана с практикой. Марксизм — не догмат, а руководство к действию, задача марксо-ленинской теории не только объяснить, но и переделать мир, и если практика, оторванная от теории, слепа, то «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой»³ — указывает Сталин. Поэтому, построенная на основе марксо-ленинской теории и учитывающих новый опыт классовой борьбы и дающих направление классовой борьбе пролетариата в новых условиях указаний вождя мирового пролетариата и лучшего ленинца — т. Сталина, теория советской уголовной политики, как и вся наша теория во всех областях, должна быть неразрывно связана с практикой. Поэтому и при изучении советской уголовной репрессии все вопросы должны решаться на основе тщательного изучения и обобщения практической работы органов этой репрессии — суда, ОГПУ, милиции.

Являясь вопросом классовой борьбы, советская уголовная репрессия не может быть понята иначе, как в свете основных директив партии. В вопросах теории и практики советской уголовной политики необходима борьба за генеральную линию партии против всех попыток ее искажения.

И в вопросах советской уголовной репрессии, как во всех политических вопросах, правый оппортунизм представляет на данном этапе главную опасность. Он стремится выхолостить революционное содержание социалистической законности, являясь рупором прямых буржуазных течений, отрицающих самую возможность иной законности кроме формальной, т. е. по существу буржуазной.

Правый оппортунизм не понимает указаний т. Сталина, что основная забота революционной законности на данном этапе — охрана социалистической собственности. Правый оппортунизм не понимает, что острис революционной законности должно быть обращено против вредителей и хулиганов, против жуликов и расхитителей общественной собственности. Правый оппортунизм поэтому в двуединой намеченной Лениным задаче суда — подавлении и воспитании — стремится отбросить и притупить задачу

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 201.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 16.

³ Там же.

подавления. Переводя в плоскость уголовной политики правооппортунистические теории о затухании классовой борьбы, он стремится исключить классовую дифференциацию из нашей уголовной политики и практики осуществления уголовной репрессии. Из развертывания на данном этапе задач воспитательного порядка и в отношении деклассированных элементов правые оппортунисты, как указал т. Постышев, делают вывод, что «наступает полоса «классового мира», полоса всепрощения, и следовательно меры подавления, меры репрессии можно сдать в архив»¹.

Тем самым правый оппортунизм притупляет бдительность на этом остром участке классовой борьбы.

Фетишизируя эквивалентность и буржуазные элементы в форме нашего права, правый оппортунизм протягивает руку гегельянскому идеализму, пытаясь оправдать старые, отброшенные нашим правом понятия вины, наказания, справедливого возмездия и т. д.

«Левый» оппортунизм выражается в недооценке и игнорировании революционной законности, в недооценке революционной организующей роли советского права, в недооценке советского суда как органа подавления классовых врагов и орудия воспитания к дисциплине².

«Левый» оппортунизм в то же время переоценивает роль репрессии и административного усмотрения, создавая почву для левачьих заскоков, административного восторга. В своем увлечении административным принуждением он приводит к недооценке воспитательных задач советской репрессии и к распространению методов подавления, направленных на классовых врагов, и на слои трудящегося населения. Особенно резко выражается это проявление «левого» оппортунизма в перенесении методов репрессии, рассчитанных на кулачество, — на середняцкое крестьянство. Этим самым «левые» загибщики, как указал т. Сталин, возрождают троцкистское отношение к среднему крестьянству.

В осуществлении репрессии на практике «левацкие» загибы приводят к непониманию новых задач по переделке, перековке деклассированных элементов, выходцев из классово-враждебных слоев, тогда как эти задачи, как указал т. Постышев³, по-новому встанут на данном этапе, когда мы вплотную подошли к выкорчевыванию всех корней классов, всех пережитков старой психологии капиталистического общества в сознании людей.

В то же время, как указывает т. Постышев, типичным «левацким» заскоком являются и разговоры об отмирании государства и права, об отмирании диктатуры пролетариата уже на данном этапе. Эти разговоры, основанные на непонимании различия между коммунизмом и его первой фазой — социализмом, «эти «левацкие» установки смыкаются с правооппортунистическими утверждениями о затухании классовой борьбы на данном этапе»⁴.

¹ Постышев, Основные задачи советской юстиции, стр. 26. К характеристике правого уклона в уголовной политике; см. также Н. В. Крыленко, 3 проекта реформы УК, стр. 8—9 и 28—44.

² См. Крыленко, Три проекта реформы УК, стр. 7.

³ Постышев, указанное сочинение, стр. 24—26.

⁴ Там же, стр. 12.

Марксо-ленинская теория и в общих вопросах уголовной политики, и в вопросах уголовной репрессии требует непримиримой большевистской борьбы также и на внешнем фронте против представителей всех буржуазных течений и теорий, пытающихся исказить или оклеветать нашу уголовную политику. Особое значение имеет в частности борьба с контрреволюционным троцкизмом.

Отрицая возможность строительства социализма и союза с крестьянством, троцкисты всегда не понимали и революционной роли насилия и сводили роль террора к тому, чтобы хлопнуть дверью и уйти, если не приходит на помощь мировая революция. Так и в вопросах насилия «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки являются только формой, прикрывающей капитулянтское содержание.

Троцкизм, начавший с маскировки революционной фразой и апологии голого насилия, вытекавшей из отрицания возможности строительства социализма и возможности союза с середняцким крестьянством, теперь превратился в прямого защитника кулачества. Троцкизм клеветнически обвиняет пролетарскую диктатуру в осуществлении строительства методами голого насилия, которые как раз и пропагандировались в свое время самим троцкизмом. Таким образом и в вопросах уголовной политики троцкизм представляет передовой отряд контрреволюционной мировой буржуазии.

ГЛАВА I. Общие принципы советской уголовной репрессии

§ 1. Значение и роль уголовной репрессии как метода подавления при диктатуре пролетариата

Основным в ленинизме является учение о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания и об условиях ее укрепления. Ни завоевание, ни укрепление пролетарской диктатуры, как указывают Ленин и Сталин, не осуществимо без подавления. Уже на основе опыта Парижской коммуны, которая является прообразом пролетарской диктатуры, Маркс и Ленин пришли к выводу, что одна из причин поражения Парижской коммуны кроется в недостаточно решительном подавлении сопротивления буржуазии. Ленин на основе опыта всех предыдущих революций предвидел, что буржуазия будет оказывать пролетариату бешеное сопротивление. «Мы не впадем, — говорит Ленин, — ни капли в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в советы это сопротивление будет сломлено, причем особенно упорных и неповинующих-ся капиталистов придется, разумеется, наказать конфискацией всего имущества и тюрьмой»¹.

■ Ленин считал необходимым выработать конкретные формы подавления сопротивления буржуазии, так как буржуазия на значительное время после установления диктатуры пролетариата неизбежно сохраняет ряд громадных фактических преимуществ, усиливающих ее сопротивление. У свергнутых эксплуататоров остаются приобретенные за долгий период господства навыки к организации и управлению, более высокая техника, образование, громадный опыт в военном деле. У них остается значительное движимое имущество, остается огромное количество денег. У эксплуататоров во всю историческую эпоху перехода от капитализма к коммунизму остается надежда на реставрацию; надежда эта превращается в попытки эту реставрацию осуществить. Буржуазия не может свыкнуться с мыслью, что ей не удастся больше вернуть отнятого у нее привилегированного положения, поэтому она с бешеной злобой и ненавистью кидается в бой против пролетарской диктатуры.

Пока эксплуататоры разбиты только в одной стране, у них остается еще одно очень важное фактическое преимущество. «Внутренние враги не являются у нас, — говорит т. Сталин, — изолированными одиночками. Дело в том, что они связаны тысячами

¹ Ленин, т. XXI, стр. 264.